

КЕТИ САПОВИЧ

ПИСЬМА МАМЕ
ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-312.7
ББК 84(2Рос-Рус)6
С19

Storytel — жизнь в историях.

Сапович К.

С19 Письма маме : Истории большого города : [роман] / Кети Сапович. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 287 с. — (Серия «Storytel Original»).

ISBN 978-5-517-04559-1

С разницей в неделю у героини не стало родителей. Чтобы не сойти с ума, она пишет письма маме: рассказывает то, что не успела, вспоминает их вместе, пишет о новых событиях, делится своими открытиями о людях и о жизни. Эта книга — честный рассказ о том, как остаться одной на планете и спасти себя, быть счастливой, никогда не сдаваться и сохранять чувство юмора, когда тебе хамят, приносят выдохшееся шампанское, разбивают сердце и тому подобное. Во время пика моды на успешный успех автор говорит о счастливом счастье, о том, как наслаждаться обычной жизнью каждый день, и о том, как прост её смысл, о достаточности, разумном потреблении и важности самых простых слов и поступков. В этой книге нет мата и звучат город и музыка.

УДК 82-312.7
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Сапович К. А., 2021
© Storyside. 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-517-04559-1

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

*Лучшей маме на свете,
Нателле Майсурадзе*

Привет, мам!

Когда тебя не стало, я перестала писать. Я была для тебя гениальной от своей первой печатной буквы красным карандашом «Полицвет» до последней, которую ты прочла в моём блоге. Едва я научилась говорить, ты сказала мне: «Читать надо много!» Ты сама очень много читала и до сих пор возглавляешь мой список самых начитанных из знакомых. Ты была моим собственным Белинским и Жуковским. Рассмешить тебя, получить от тебя похвалу, — невероятное удовольствие! Я забросила свой блог, когда перестала получать твои ироничные благодарные комментарии. Я и себя забросила, я себя забыла.

В тот год, когда мы узнали о твоём диагнозе, я рассталась с мужчиной после четырёх лет вместе. Это было некрасиво, неприятно, болезненно и разорительно. Я даже не сразу тебе рассказала. Внучка полковника, ребёнок грузинского княжеского рода, я отсчитала ровно половину из блюдечка с долларовой мелочью и ушла. Он настойчиво требовал вернуть ему пятнадцать тысяч рублей за корпоративную страховку, а когда моя подруга передала ему их, сказал, что этого не было. Единственный мой по сей момент нерукопожатный бывший.

Когда пришла беда, я принимала предложения о работе, глядя только на цифры. Мы всегда очень просто жили, я всегда хотела денег, покупок, путешествий. Лишившись сна, я решила, что смогу и поддерживать достигнутый уровень жизни, и зарабатывать на войну с раком. Надо же куда-то девать ночь — работать! Ты просила очень мало, я переводила с запасом, но всё равно чувствовала себя ужасно. До сих пор чувствую, до сих пор себя корю. День и ночь я читала о раке, о том, как себя вести, чтоб не давать больному близ-

кому расклеиться, но только когда тебя не стало, я прочла интервью какого-то доктора, который сказал: «Если в вашей семье случилось такое, летите на Мальдивы». Мы так и не успели слетать в Ниццу вместе. Каждую ночь мне снится, что мы приезжаем в аэропорт, но я улетаю одна. Ницца очень красива даже с воздуха. Это единственное моё утешение.

Два года шла наша война. Два года я печатала деньги, держала лицо, не давала нам впасть в отчаяние. Как и всю свою жизнь, идя на этот бой, я не брала белого флага. Но мы проиграли. Наступила оглушительная тишина. Темнота, пустота, безразличие. Я работала в европейской компании, где не приняты чувства. Через неделю после похорон мне предстояло снова притворяться директором. Меня спасали мои русские коллеги. Это они вместо «как дела?» спрашивали, «как гемоглобин?», это они помогли устроить голливудские похороны. Я понимала, как это важно — мы обе боялись старости, мы обе ненавидим выглядеть плохо на людях. Когда я уходила в уборную и не возвращалась спустя полчаса, коллеги вскрывали замок и уводили меня в игровую или в пустую переговорку, вытирали слезы руками и баюкали. Чтобы покормить хотя бы раз за два, а то и три дня, меня звали на обед в любимые рестораны. Я съедала пару кусочков, выпивала безобразно много, и меня увозили домой.

Наутро я просыпалась с надеждой, что всё это кошмар, что, открыв глаза, я вернусь в нормальную жизнь, мы встретимся, погуляем по нашей любимой Москве, зайдём проверить удачу в магазин с надписью «Распродажа», купим новых книг, сунем нос в любимый бар, соберём гостей, ты сварешь борщ и тооненько нарежешь фирменного сала. Мои друзья ужасно тебя уважали и любили, они придумывали невероятные поводы, чтоб отлучиться на сигаретку. Обсуждать с тобой можно что угодно, но мама Коти не должна, не может знать, что ребята курят! Каждое долбаное утро я понимала, что это не кошмар, и плакала. До отёков и невозможности дышать, до рвоты.

Четыре года я жила свою жизнь на автопилоте. Друзей — радовать, баловать, обнимать. Шампанское или коньяк — пить. Билеты со скидкой — лететь. Не важно куда. Деньги — зарабатывать. Но автопилот — машина. Я разучилась смеяться и влюбляться. На виртуозные шутки своих друзей я отвечала: «Смешно!» Никто из ухаживающих за мной мужчин не мог зайти дальше статуса любовника. Да и это не сразу. На полтора года вместе с аппетитом пропало либидо. Бессонный год? Бессонная жизнь. Сначала вы с папой ругались ночами, потом медаль, потом красный диплом, карьера, работа, наша война, моя реконструкция. Я словно родилась уставшей, и до сих пор не могу отоспаться. Могу себе позволить, наконец — не получается.

Недавно я вышла из магазина у дома и увидела трамвай. Все эти годы он ползает по своим железным полоскам, а я не замечала. Интересно, что за маршрут? Я села в него и доехала до Чистых Прудов, как была, в пальто на пижаму. И меня накрыло каким-то невероятным безусловным счастьем. Что я жива и здорова, что у меня всё есть, что меня окружают лучшие люди на планете, что я могу делать что хочу. Осталось лишь снова захотеть, вспомнить, кто я и что люблю.

Самое неприятное в моей жизни — когда самолёт приземляется, все срочно включают мобильные и сообщают кому-то, что долетели. А мне некому. Нет такого человека, который спать не ляжет, пока мой самолёт не долетит. Я создала чат с тобой и друзьями, куда сообщаю о своих перемещениях. Рассказать всегда хотелось намного больше — я человек без фантазии, зато наблюдательный, со мной за один перелёт происходит приключений на целую книгу — я стала писать тебе письма. По правде говоря, первое было в жанре претензии, ведь в детстве я взяла с тебя слово всегда быть рядом и не стареть. Что за злостное несоблюдение договорённостей? Чуть позже я решила рассказывать тебе истории, которые не успела, держать в курсе новых событий. Что-то показывала друзьям, что-то меня уговаривали опубликовать в качестве колонки

(мам, я же колумнист, вспомнила!), а потом я даже завела новый блог. Такой, где нельзя оставлять комментарии, чтобы больше не ждать их от тебя. И случилось чудо. Я захотела в Цюрих. Там я начала складывать эти письма в книгу.

Мама, спасибо, что ты уже в 1985-м знала, сколь будут востребованы экологи, но поддержала меня с поступлением на журфак. Помнишь, я издавала газету «Моран» (в переводе с языка мааси — воин), фломастерами, и распространяла между кухней и гостиной? (Как я до этого додумалась? Из какой книги взяла название? Хаггард? Верн?) Что же я люблю на самом деле? Если бы можно было делать что угодно и получать за это деньги, я бы читала и писала. Как ты! Я — это ты, ты — это я, мам. Получается, мы по-прежнему рядом, просто иначе.

Я поняла, что нельзя умирать вместе с тобой. Ты никогда никого не хотела лишать удовольствий. Однажды накануне семейного путешествия ты подвернула ногу. Мы все хотели его отменить, ты велела ехать. Кстати, я совсем не помню ту поездку, но помню, как всем не доставало тебя. Я продолжаю жить, как ты показала: получать удовольствие и дарить улыбки. Если сегодня я смогла помочь хотя бы одному человеку, если благодаря мне, моим буквам хоть кто-то улыбнулся, если я выпалась и выпила хороший кофе — я очень успешный человек! И, конечно, я не принимаю поражение от рака и помогаю другим людям в войне с ним. Надеюсь, даже этой книгой.

Я желаю счастья всем героям своих историй, даже персонажам третьего плана и самым случайным. Все мы друг у друга случайные. Каждый случай — счастье. Из них и состоит наша жизнь.

Как и многие, я с недоверием отношусь к советам об успехе, опубликованным под фамилиями богатых и знаменитых. В конце концов, у нас могут быть разные цели. Я просто девочка из семьи военных и инженеров, которая осталась одна на всей планете, не очень богата и не слишком знаменита, но я давно и каждый день очень-очень счастлива. Этим я и хочу поделиться.